

Джон Стейнбек Случай в доме № 7 на улице М...

<http://lib.rus.ec/b/469844/>

«Гон спозаранку»: Молодая гвардия; Москва; 1975

Я надеялся избежать огласки тех весьма странных событий, которые тревожат меня уже целый месяц. Разумеется, толки о них ходят в нашем квартале. Я и сам слышал враки, нелепые рассказы, в которых, спешу вас заверить, нет и капельки правды. Впрочем, моя надежда сохранить тайну разлетелась вдребезги не далее как вчера, когда мой дом посетили два щелкопера и стали уверять меня, что слухи об этой истории (или, скорее, случае) вышли за пределы нашего околотка.

Поскольку огласка стала неминуемой, то справедливости ради стоит рассказать правду о тех происшествиях, которые вскоре будут наверняка опубликованы под заголовком «Случай в доме № 7 на улице М...», дабы и без того странные обстоятельства не обросли всяким вздором. Я изложу все так, как оно было на самом деле, без комментариев, а там уж пусть публика судит сама...

В начале лета я привез свою семью в Париж и устроился в красивом домике под номером 7 на улице М... Во время оно домик был конюшней при большом соседнем здании. А вся усадьба принадлежит живущей тут же семье французских дворян таких древних и чистых кровей, что члены ее и по сей день не могут смириться с притязаниями Бурбонов на французский престол.

В эту конюшенку, преображенную в милое трехэтажное жилье с тщательно вымощенным двором, я и привез своих чад и домочадцев. Семья моя состоит из моей жены, трех детей – двух мальчишек и взрослой дочери – и, разумеется, меня самого. В дополнение к консьержке, которая, как вы справедливо можете заметить, досталась нам вместе с домом, в число моих домочадцев входит француженка – великолепная кухарка, испанка-горничная и девушка из Швейцарии – моя секретарша, достоинства и честолюбивые замыслы которой не уступают ее высоким моральным качествам. Таков был наш маленький семейный круг в тот день, когда разразились события, репортаж о которых я и хочу написать.

Приступая к рассказу, мне волей или неволей придется назвать виновником происшествия совершенно невинное существо, обладателя прелестнейшей рожицы и редких зубов – моего младшего сына Джона, которому только что пошел девятый год.

Пребывая несколько последних лет в Америке, сей молодой человек пристрастился к забавной американской странности – жевательной резинке, и одной из самых приятных сторон нашей жизни в Париже в начале этого лета было то обстоятельство, что Джон-младший забыл захватить с собой из Америки запас этой омерзительной жвачки. Речь ребенка стала правильной, членораздельной, и глаза его уже не туманила сомнамбулическая отрешенность.

Увы, этому блаженству вскоре пришел конец. Старый друг дома, приехав туристом в Европу и желая, очевидно, сделать детям приятное, привез им в подарок более чем солидный запас проклятой жвачки. С тех самых пор все у нас вернулось на круги своя. Слова отсыревали, пробиваясь в обход громадного кома резины, и речь ребенка напоминала бульканье испорченного сифона. Челюсти непрестанно двигались, придавая лицу страдальческое выражение, а глаза стекленели словно у свиньи, только что подпавшей под заклятие. Поскольку я не сторонник принудительных мер при воспитании, лето мне выпало не столь приятное, как предполагалось прежде.

Но порой я не придерживаюсь своей обычной политики невмешательства. Когда я пишу книгу, пьесу или статью, словом, когда требуется максимальная сосредоточенность, ради собственного спокойствия и сохранения работоспособности я склонен брать всю полноту власти в свои руки. Безусловно запрещается жевать резинку либо раздувать ее пузырем,

который лопается с треском в ту самую минуту, когда я пытаюсь сосредоточиться. Это требование выполняется Джоном-младшим столь неукоснительно, будто это закон природы, и он не только не жалуется, но и не делает никаких попыток нарушить его обходным путем. Но иной раз он заходит в кабинет, чтобы тихо посидеть рядышком со мной, – ему это удовольствие, а мне утеша. Он знает, что ему следует молчать, и, посидев ровно столько, сколько позволяет его темперамент, он так же тихо выходит, и мы оба чувствуем себя богаче от этого безмолвного общения.

Как-то к вечеру, недели две назад, я писал за столом небольшую статью для литературного приложения к «Фигаро», статью, которая позже, напечатанная под названием «Сартр резартус», вызвала некоторую дискуссию. Я подошел к фразе о достойном одеянии для души, как вдруг, к своему удивлению и досаде, услышал щелчок, в котором безошибочно распознал звук, издаваемый пузырем из жевательной резинки в момент, когда он лопается. Я сердито посмотрел на своего отпрыска, который заставил себя перестать жевать. От этого усилия щеки его покраснелись, желваки челюстей вздулись буграми.

– Ты знаешь, что этого делать нельзя, – холодно сказал я.

И с удивлением увидел, что на его глазах показались слезы. Челюсти снова заходили, из-за громадного комка жевательной резинки прорвалось хныканье.

– Это не я.

– Как это не ты? – озлился я. – Я отчетливо слышал, а теперь не менее отчетливо вижу, что ты делаешь.

– Ой! – простонал он. – Это не я ее жую, сэр. Это она меня жует.

Я пристально посмотрел ему в глаза. Он честный мальчуган, и только уж какой-нибудь невиданно большой соблазн заставит его солгать. Мне в голову пришла ужасная мысль, что жевательная резинка в конце концов допекла его и что мой сын тронулся. В таком случае будет лучше действовать помягче. Я медленно протянул ладонь.

– Дай ее сюда, – добрым голосом сказал я.

Сын упорно пытался отодрать резинку от зубов.

– Она не дается, – пробормотал он.

– Шире рот! – сказал я и залез туда пальцами. После продолжительной борьбы, когда мои пальцы соскальзывали вновь и вновь, я наконец ухватился за резинку, вытащил ее и водрузил этот безобразный комок на стопку писчей бумаги, лежавшей у меня на столе.

Какое-то мгновение эта резина, казалось, вздрагивала на бумаге, а потом медленно и плавно стала волнообразно колебаться, вспучиваться и сокращаться, в точности так, как если бы ее жевали. Мы с сыном смотрели на это, вытаращив глаза.

Пока мы наблюдали за резинкой, я ломал голову, пытаюсь хоть как-то объяснить это явление. Либо мне мерещилось, либо какая-то сила, еще неизвестная человечеству, засела в резинке и заставляла ее пульсировать на моем столе. Я не лишен сообразительности. Сотни мыслишек и догадок пробегали чередой в моей голове. И наконец я спросил:

– Давно она жует тебя?

– Со вчерашнего вечера, – ответил сын.

– И когда ты впервые заметил эту... эту ее наклонность?

Он отвечал совершенно чистосердечно:

– Вы должны мне поверить, сэр. Вчера вечером перед сном я положил ее, как и всегда, под подушку. Ночью проснулся, а она у меня во рту. Я снова положил ее под подушку, а утром она снова была во рту; тихо так лежала. Но, когда я совсем проснулся, я понял, что она немного шевелится, а потом до меня дошло, что я уже больше не хозяин этой резинки. Она стала самостоятельной. Я пытался вытащить ее, сэр, и не мог. Вы сами, такой сильный, и то едва вытащили ее. Я пришел в кабинет и ждал, когда вы освободитесь, чтобы рассказать. Папочка, как вы думаете, что же это такое?

Я не отрываясь смотрел на зловредную штуку.

– Надо подумать, – сказал я. – Здесь что-то не совсем обыкновенное, и, похоже, требуется взяться за нее всерьез.

Пока я говорил, поведение резинки изменилось. Она перестала жеваться и вроде бы решила отдохнуть, но потом вдруг плавно, как движутся одноклеточные простейшие,

скользнула по столу по направлению к моему сыну. Я был так поражен этим, что не сразу разгадал ее намерение. Она свалилась к сыну на колени и мгновенно вскарабкалась по рубашке вверх. Тут только я сообразил, чего она хочет. Она пыталась вернуться обратно к нему в рот. Сын смотрел на резинку, застыв от ужаса.

– Стой! – закричал я, ибо понял, что мой последыш в опасности, а в таких случаях я способен и человека убить. Я схватил чудовище, уже заползшее к нему на подбородок, выбежал из кабинета, ворвался в гостиную и, открыв окно, швырнул эту штуку прямо под колеса машин, мчавшихся по улице М...

По-моему, родительский долг состоит в том, чтобы ограждать детей от любых потрясений, которые могут нанести душевную травму. Я вернулся в кабинет и застал Джона все в той же позе. Он сидел и смотрел прямо перед собой отсутствующим взглядом. Меж бровей его обозначилась тревожная морщина.

– Сынок, – сказал я, – мы с тобой видели нечто такое, чего нам никак не описать другим, хотя мы наверняка знаем, что так вот оно и было. Представь только, что произойдет, если мы станем рассказывать... Я опасаясь, что нас просто высмеют.

– Да, сэр, – покорно сказал он.

– Поэтому мне хочется предложить тебе, сынок, думать об этом эпизоде про себя и не упоминать о нем ни единой душе до самой гробовой доски.

Я думал, что он согласится со мной, но, не дождавшись ответа, поднял голову и увидел, что лицо его исказилось от страха. Глаза его полезли на лоб. Я обернулся и досмотрел туда, куда смотрел он. В щели под дверью показалась тонкая, с бумажный листок, полоска, которая, оказавшись в комнате, выросла в серый комок, пульсирующий на ковре. Секунду спустя комок двинулся к моему сыну тем самым способом, каким передвигается псевдоподия.

Рванувшись к комку, я заглушил в себе паническое чувство, схватил его и швырнул к себе на стол, потом, сорвав со стены африканскую боевую дубинку, которая висела среди прочих туристских трофеев, стал этим смертоносным орудием, окованным медью, лупить по резинке, пока не выдохся и не превратил ее в какие-то лохмотья. Пока я отдыхал, она снова собралась в комок и стала быстро пульсировать, словно бы хихикая над моим бессилием, а потом неуклонно задвигалась к моему сыну, который забился в угол и подвывал от страха.

Теперь я взял себя в руки. Подобрал грязный ком, завернул его в носовой платок, вышел на улицу, одолел три квартала, отделявшие наш дом от набережной Сены, и швырнул платок в ее медленные воды.

Добрую часть дня я потратил на то, чтобы успокоить сына и убедить его в том, что все страхи кончились. Но он был так взбудоражен, что на ночь ему пришлось дать полтаблетки снотворного, а жена настаивала на том, чтобы я вызвал врача. Я так и не рискнул сказать ей тогда, почему мне не хотелось выполнить ее желание.

Ночью меня (как и весь дом) разбудил приглушенный вопль ужаса, донесшийся из детской. Прыгая через две ступеньки, я взбежал наверх, ворвался в комнату и тотчас зажег свет. Сидя в постели на корточках, Джон ковырялся пальцами в полуоткрытом рте и в то же время устрашающе быстро жевал. Меж пальцев его появился пузырь, лопнувший с бульканьем.

Что толку было теперь хранить секрет? Все объяснить? Пожалуйста! Когда мои домашние увидели пульсирующую резинку воочию, объяснение не составило такого труда, как это было бы при других обстоятельствах. И я горд, что меня поняли и утешили. Нет ничего сильнее поддержки семьи.

Но наша кухарка-француженка просто не поверила своим глазам. «Этого не может быть», – сказала рассудительная представительница нации, вообще отличающейся здравым умом. Горничная-испанка вызвала приходского священника, с тем чтобы он за плату изгнал нечистую силу, но бедняга после двух часов напряженной работы ушел прочь ни с чем, бормоча, что этот случай имеет отношение скорее к желудку, чем к душе.

Две недели мы осаждали чудовище. Жгли в печке, где оно, брызгаясь и шипя, горело синим пламенем, расплываясь в грязную кашу, смешанную с пеплом. К утру же оно вползло через замочную скважину в детскую, пачкая дверь пеплом, и снова мы просыпались от крика Джона-младшего.

В отчаянии я поехал в машине далеко за город и вышвырнул резинку за обочину. Она

вернулась под утро. По-видимому, она вползла на шоссе и лежала на той стороне, по которой едут в Париж, пока не прилепилась к шине грузовика. Когда мы выковыряли ее изо рта Джона, на ней еще был оттиснут протектор шины с фирменным знаком.

Усталость и безысходность брали свое. Изнуренный, с подавленной волей к сопротивлению, после того как мы перепробовали все возможные средства уничтожения жевательной резинки, я поместил ее наконец под стеклянный колпак, которым я обычно закрываю свой микроскоп.

Откинувшись в кресле, я потухшим взором уставился на резинку. Джон спал в своей кровати, напичканый успокоительными лекарствами, которые были подкреплены моими заверениями, что с этой штуки я глаз не спущу.

Я зажег трубку и снова стал рассматривать резинку. Серый опухолевидный комок под стеклянным колпаком двигался непрерывно, ища способа вырваться из заточения. Время от времени он словно бы в задумчивости выдувал в мою сторону пузырь. Я ощущал ненависть, которую он питал ко мне. И тут, несмотря на усталость, в голову стали приходить соображения, прежде как-то ускользавшие от меня.

Я живо представил себе подоплеку всего этого дела. Очевидно, от постоянного соприкосновения с непрерывно меняющейся жизнью, а именно с моим сыном, в самой жевательной резинке тоже зародилась магия жизни. А где жизнь, там и разум, но не мужской душевный ум, как у моего мальчика, а злая расчетливая хитрость.

А как же иначе? Насущной потребностью ума без души непременно станет зло. Жевательная резинка не восприняла ни единой частицы души моего Джона.

«Превосходно, – подумал я. – Теперь, когда у нас есть гипотеза происхождения чудовища, давайте-ка разберемся в его природе. Что оно думает? Чего хочет? В чем нуждается?» Мысли мои лихорадочно скакали. Ему хочется попасть обратно в своего хозяина, в моего сына. Жевательная резинка хочет, чтобы ее жевали. Чтобы выжить, ей надо жеваться.

Резинка просунула под край стеклянного колпака тонкий язычок, потом сгруппировалась и подняла весь стеклянный колпак с одного края на долю дюйма. Я рассмеялся и загнал ее обратно. Я хохотал как безумный. Это была победа – я знал, как быть.

Я добыл в столовой чистую пластмассовую тарелку, из той дюжины, что моя жена завела для загородных пикников. Перевернув стеклянный колпак и стряхнув чудовище на дно, я смазал край колпака патентованным суперцементом, который, как говорилось в гарантии, не берет ни вода, ни спирт, ни кислота. Прижав тарелку к краю, я держал до тех пор, пока клей не схватился, и таким образом сотворил воздухонепроницаемый сосуд. Осталось перевернуть колпак и пристроить настольную лампу так, чтобы мне было видно каждое движение моей пленницы.

И снова жевательная резинка поползла по кругу, ища лазейки. Остановившись против моего лица, она немедленно надула множество пузырей. Даже сквозь стекло я слышал, как они лопаются один за другим.

– Теперь тебе крышка, моя красавица! – воскликнул я. – Наконец-то я упек тебя!

Это было неделю тому назад. С тех пор я не отходил от стеклянного колпака и отворачивался от него только ради чашки кофе. Когда же я шел умываться, мое место занимала жена. И теперь я могу сообщить следующие обнадеживающие новости.

В первые сутки жевательная резинка, пытаясь освободиться, перепробовала все, что было в ее силах. На вторые сутки она была возбуждена и нервничала так, как будто впервые поняла, в какой переплет она попала. На третий день она снова стала совершать такие движения, будто ее жевали, только с невероятной быстротой, – так обычно жуют болельщики на стадионе. На четвертый день она стала слабеть, и я с радостью заметил некоторую сухость на ее прежде гладкой и лоснящейся поверхности.

Сегодня пошел седьмой день, и кажется, конец близок. Резинка лежит посередине тарелки. Время от времени она вспухает и снова опадает. Цвета она стала желтовато-грязного. Сегодня мой сын заглянул в комнату, и она встрепенулась, но, по-видимому, тут же осознала безнадежность своего положения и растеклась по тарелке. Мне кажется, что сегодня ночью она умрет. И только тогда я выкопаю в саду глубокую яму, помещу в нее запечатанный стеклянный колпак, зарюю, а сверху посажу герань.

Я очень надеюсь, что этот мой отчет опровергнет глупые толки, которые ходят в нашем околотке.

Перевод Д. А. Жукова